

Э то был конец июня 2014 года, и война уже шла полным ходом. Я плохо помню те дни. Поспать удавалось не более нескольких часов. Потом мы поднимались по тревоге и мчались куда-то на нашей безумной повозке — микроавтобусе «Газель», боковая дверь которого крепилась на проволоке, поэтому ее приходилось держать руками, чтобы не выпасть на ходу. Возвращаясь в расположение, я наскоро, как будто сдавал норматив, ел и мылся, после чего сразу валялся спать. Однажды мою опустевшую оболочку в очередной раз разбудили, заставили собраться и отправили под краматорский аэропорт, где, как я узнал по дороге, уже находились несколько бойцов нашего отделения.

Когда мы подходили к передовой напротив аэропорта, с меня мигом слетел сон. Впереди, прямо на дороге, стояло несколько наших «красавцев», вольготно покуривая и опираясь на оружие.

Стояли на открытом месте, как на ладони. Большого примера слабоумия и отваги я ни разу не видел — они, наверное, совсем одурели от кофе и недосыпа — как будто морок нашел. Мы приблизились к товарищам, и я, от греха подальше, сразу нырнул в кювет, находившийся где-то на метр ниже уровня дороги.

Начальник отделения только успел распределить, кто и куда должен идти и что там делать, как упали первые мины. Я растянулся под деревом и ждал, пока все не стихло. Как только смолк омерзительный шорох осколков, секущих ветви деревьев, командир дал приказ стрелять. Я выполз со своим ПТР на уровень дороги, прицелился и открыл огонь по позициям врага. Мой заряжающий куда-то пропал вместе с моим автоматом, и где-то на периферии сознания меня сильно беспокоила возможность потерять оружие, если парня убьют или что-то в этом роде.

Я стрелял, как автомат. Сначала старался как можно быстрее вставить патрон. Потом усердно целился и жал на курок, всем сердцем откликаясь на рывкающие выкрики ружья. Потом максимально быстро старался выбросить патронник, чтобы не застряла гильза, и все повторялось. Бил по окнам диспетчерской вышки и вообще по всему, что казалось мне похожим на укрытие неприятеля. Кажется, кроме меня, стрелял только пулеметчик, но я не уверен, так как ПТРД — чертовски шумная штука. Не знаю, сколько времени это продолжалось и сколько выстрелов я сделал, прежде чем услышал, что командуют отступление.

Затем началось самое интересное. Я пятился в густой и жесткой траве. Разгрузка сбилась к груди, и уже через минуту живот и грудь изорвали камни и стебли растений. Из ее карманов выскакивала начинка — рожки, аптечка, патроны для ПТР, и я был вынужден раз за разом возвращаться, чтобы подбирать имущество.

Продираясь сквозь траву, я тащил за собой свое ружье, которое вспахивало степь, как плуг, и тяжелый рюкзак с патронами. При этом всем я старался двигаться незаметно, потому что по нам палили из всех стволов. Работал снайпер и, скорее всего, БТР из капонира. Периодически рядом с нами рвались мины. В эти минуты я вжимался в землю, а потом осторожно пытался ползти дальше — рывок всем телом назад, потом подтянуть рюкзак,

потом ПТРД, путающееся сошками в траве и взрывающее землю. Даже если бы не грозила опасность, это все равно была бы самая тяжелая работенка в моей жизни.

Выбрать место хуже было невозможно. Мы очутились в чистом поле, вокруг ни одного деревца, за которым можно спрятаться и передохнуть. Слева от нас асфальтированная дорога. Справа — относительная безопасность под густыми акациями и невысокой кладбищенской оградой. Однако добраться до этого спасительного оазиса можно было, лишь перебежав через достаточно широкую асфальтированную полосу. Позже я выяснил, что сзади нас находилась грунтовка. Буквально в двухстах метрах левее виднелись густые заросли маслин, но моих товарищей почему-то потянуло именно на открытое место. Откровенно говоря, я вообще до сих пор не пойму, в чем заключался сакральный смысл всей этой чудо-операции. С тем оружием, которое у нас было, мы абсолютно ничего не могли сделать — разве что вызвать огонь на себя, и это выглядело бы столь же глупо, как если бы кто-то напал на льва, пернув в него. Пока я полз, я обратил внимание, что кое-где на высоких стволах каких-то растений повязаны белые тряпицы — ориентиры для снайперов. Значит — территория была полностью пристреляна.

Солнце нещадно палило. Камни и трава рвали мне кожу, но я лишь сильнее вжимался в землю и лежал, лежал, уткнувшись лицом в сплетения трав и комки почвы. Вдыхал их запах и слушал противный треск разрывающихся мин. Шелест осколков был повсюду. Один впился в землю у меня между ног, сантиметров за двадцать до причинного места. Было не страшно умереть, но страшно остаться калекой. Бесплезным обрубком. А еще меня переполняла смертельная тоска и злость. Думаю, все экзистенциалисты Франции вместе взятые никогда не чувствовали столь пронзительных и тошнотворных переживаний. Затем один из стрелков, находившийся возле дороги, отделявшей степь от кладбищенской ограды, вскочил и перебежал туда. Естественно, вооруженный одним лишь автоматом, он вполне мог себе это позволить. Но при этом наплевал на нас — своих товарищей, которые выбивались из сил, таща за собой пулеметные ленты, выстрелы к гранатомету, РПГ и прочую амуницию.

Как только он вскочил и метнулся в укрытие, по этому участку начали колотить, как мухобойкой. Теперь я видел нескольких бойцов — мы лежали, вжавшись всем телом в землю. Я чувствовал ее на губах.

В глаз давил камень, саднил изодранный живот. Кто-то рядом вскрикнул от боли — видимо, попал осколок. Проверить, что случилось с моим товарищем, не было никакой возможности. Вокруг все свистело и гроыхало; осколки и пули причесывали густую растительность — наше единственное укрытие.

Тело само собой вжималось в землю. В какой-то момент я утратил связь с окружающей реальностью и полностью растворился в странном, тревожном переживании. Перед глазами кипела жизнь — десятки муравьев суетились среди стволов растений. Из земли, как крот, выглянул иссиня-черный жук, некоторое время скептически осязал мир вокруг себя, а затем вновь зарылся в грунт.

Все, что я чувствовал в тот момент рядом с собой — вся эта бьющая ключом жизнь, — было великолепно. Еще не успевшие высохнуть травы прямо благоухали дождем и степью. Налетал прохладный добрый ветерок, приносящий столь любимый мною аромат цветущего разнотравья. Но лучше всего пахла земля — я понял, что чувствую этот запах столь отчетливо впервые с раннего детства. Он напоминал мне о родных местах; о добрых временах, когда мои родители, еще такие молодые и счастливые, осваивали полученный дачный участок, а я часами напролет барахтался в котловане, вырытом под будущий домик.

Земля была вокруг меня и на мне, и даже у меня во рту. Я чувствовал ее вкус, осознавал всю ее прекрасную силу, дарующую теплую и твердую волю к жизни. Мне было ужасно обидно от мысли, что, вполне возможно, я больше никогда не смогу вот так нырнуть в объятия степного моря и чувствовать на губах это счастье — соль земли.

Как только перестали работать минометы, я постепенно стал приходить в себя. Собрав все оставшиеся силы, начал методично продвигаться к грунтовой дороге, находившейся метрах в пятнадцати позади. Место там было скверное — перед дорогой была проплешина длиной в несколько метров — абсолютно

лысая и каменистая. А сразу за дорогой был пригорок — также лишенный растительности. Преодолеть этот участок, при этом не став мишенью для снайпера, казалось невозможным.

Я пропахивал густую траву, как культиватор. На голом участке, лишенный прикрытия растительности, я, как черепаха, работал лапами и тянул свою окаянную рельсу и боекомплект — бросить оружие я считал ниже своего достоинства. Каким-то чудом я целым перелез через проклятый холмик и, задыхаясь, некоторое время лежал в ложбинке, уткнувшись в противную, пахнущую болотом траву. Затем я пополз дальше по неглубокой траншее, вероятно, служившей когда-то для орошения.

Там меня догнал мой заряжающий — молодец, сохранил мой автомат. Мы с ним вяло переговаривались, отдыхая, когда слева, за дорогой, среди маслин выбежали бойцы второго отделения, которых прислали нам на подмогу. Отряд морских свинок-самоубийц — иначе этих парней не назвать, хотя порыв их был прекрасен и благороден. Кто-то позвонил Святому, и они, особо не разобравшись в обстоятельствах, ринулись выручать нас. Вот только они ничего не знали о том, что их ждет. Вооруженные стрелковым оружием, они кавалерийским наскоком ринулись на верную смерть. Правда, как только по ним начали работать минометы, ребята все поняли, попадали в траву и уползли к деревьям. Помню, я видел из своего убежища их вначале веселые, а потом озадаченные и помрачневшие лица.

В канаве ползти было еще тяжелее. Земля была влажная, а трава густая. К тому же, повсюду лежали крупные булыжники, битые бутылки и всякий мусор. Я отчаянно дергал противотанковое ружье, но оно совсем запуталось в траве и не поддавалось. Дальше так двигаться было нельзя. Я убедился, что рядом с нами никого нет, и сказал заряжающему, что нам надо рискнуть и перебраться через дорогу, которая была уже совсем рядом. Я освободил ружье, мы приготовились, сосчитали до трех и ринулись под деревья у кладбищенской ограды. Моему товарищу это удалось достаточно просто. А я, нагруженный оружием и боеприпасами (в общей сложности мой скарб весил около сорока килограммов), в любую минуту ожидая пули или осколка, проплясал несколько нелепых антраша и рухнул в зеленку.

Потом мы долго и осторожно выбирались в сторону гаражей. Уже находясь рядом с ними, мы снова были вынуждены упасть — откуда-то сбоку пришли мины. Видимо, стреляли с другой точки, пытаясь достать наш транспорт, спрятанный в гаражах. И все же мы выбрались и благополучно добрались до безопасного места, где в нетерпении приплясывал Святой. Вскоре там собрались все наши бойцы. Самое смешное, что никто из нас не получил серьезных ранений. Меня, Стикса и кого-то еще контузило; несколько человек получили мелкие осколки в мягкие ткани. Не помню, как я оказался возле «газели» и, давясь от спазмов, вливал в выжженную глотку холодную газировку.